Мухаметова М. Б., Мухаметов Д. Б.

ДВА ПОДХОДА К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МОЛЧАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 114-116. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ренный в том, что речь пойдёт о китайце, зашедшем в булочную с целью купить хлеб, оказывается вынужденным избрать другой способ декодирования описываемой ситуации, поскольку речь идёт, очевидно, о блондинках. Лексема *Brötchen* намеренно трансформируется в окказиональную паронимическую лексему *Blödchen*, семантически связанную с однокоренным именем прилагательным *blöde*, имеющим узуальное значение *dumm, töricht (глупый, безрассудный).* Поскольку существует предубеждение относительно низкого уровня интеллектуального развития блондинок, то именно такое качество, как глупость, и легло в основу образования окказионального паронима *Blödchen.* Таким образом, в знакомую морфологическую форму помещается новое значение. Подобный эксперимент, проводимый говорящим с формой и значением окказиональной лексемы *Blödchen*, позволяет произвести эффект языковой игры, имеющей паронимическую основу. Благодаря сведению в рамках одного контекста сходных по звучанию, но разных по значению лексем *Brötchen* и *Blödchen* создаётся паронимическая оппозиция. Эксплицитно выраженная окказиональная лексема *Blödchen* осознанно употребляется говорящим с намёком на имплицитно представленную в тексте анекдота лексему *Brötchen*, что имеет своей целью создание комического эффекта.

Итак, в рассмотренных примерах комизм описываемой ситуации достигается за счёт использования феномена языковой игры, имеющей паронимическую основу. Говорящий, демонстрируя творческий подход к использованию ресурсов языка, намеренно сталкивает в рамках одного контекста значения паронимов. Оба члена паронимической оппозиции, как правило, эксплицитно представлены в тексте анекдота, что усиливает эффект обыгрывания одной лексемы на фоне другой. В ряде случаев один из паронимов является окказиональным, образованным на основе сходства с некой лексической единицей, существующей в системе языка. Поскольку паронимы характеризуются семантической неэквивалентностью, их одновременное присутствие в одном контексте служит основой создания абсурдной и вместе с тем комичной ситуации.

Список использованной литературы

1. Веракша Т. В. Функционально-семантическая дифференциация паронимов русского языка. – СПб., 2000.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. - М., 1994. – Ч. I.
3. Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка. - М., 1987.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. - Екатеринбург: Урал, 1996.
5. Карякина М. В. «Письма к матери» Л. Н. Андреева: феномен языковой игры // Известия Уральского государственного университета. - 2002. - № 24.
6. Мурашёв Т. И. Языковая игра в текстах песенного жанра (на материале английского языка): Автореферат дис. канд. филол. наук. - Уфа, 2007.
7. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. - Минск, 1987.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М., 1985.
9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М., 1999.
10. Сковородников А. П. О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. - 2004. - № 2.
11. Сопова Т. Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: Автореферат дис. канд. филол. наук. – СПб., 2007.
12. Яркова Л. Г. Стилистическое использование паронимов // Речевые аспекты изучения современного немецкого языка. - М., 1984.
13. Horn A. Das Komische im Spiegel der Literatur. - Würzburg, 1988.
14. Macha J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. - Bonn, 1992.
15. Neuberger O. Was ist denn da so komisch? – Weinheim-Basel, 1990.
16. Röhrich L. Der Witz: Seine Formen und Funktionen. - München, 1980.

ДВА ПОДХОДА К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МОЛЧАНИЯ

Мухаметова М. Б., Мухаметов Д. Б.
Южный федеральный университет

В современной действительности, для которой характерно активное развитие различных сфер общественной жизни, проблемы коммуникации и общения становятся особенно актуальными и значимыми. Однако описание речевой деятельности человека будет неполным без характеристики феномена молчания.

Иногда люди предпочитают молчать, причем молчание нередко оценивается выше, чем разговор. Такая оценка содержится, например, в произведениях фольклора, отражающих народную мудрость: Слово - серебро, молчание - золото; Кто молчит, тот двух научит.

Смыслы молчания рассматриваются не только в лингвистике и психологии, но и в религиозных и философских учениях, принадлежащих как Востоку, так и Западу. Однако среди ученых нет единства в вопросе о первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Религиозные и эзотерические учения (в большинстве своем) считают молчание первоначальным состоянием бытия. «Неизреченное» выступает здесь как характеристика мира в его потенциальности и непроявленности, как безмолвие творческого Духа, который лишь во второе мгновение порождает Слово - сына Божьего. «Бог в его самостийности и изначальности, потенциальности и самодостаточности сам есть молчание, то богатое следствиями молчание, из которого родятся все вещи и все разговоры» [Золотухина-Аболина 2000: 23].

Слово является истоком и характеристикой дифференцированного мира, оно называет многочисленные предметы и отношения, дает всему имя, снабжает дефинициями разные аспекты развертывающейся действительности. «Слово неотделимо от наличия конкретных форм, - говорят философы. - Оно - Сын, в то время как Отец - бесформенность и молчание» [Золотухина-Аболина 2000: 23].

Разговоры, болтовня - характеристика повседневности, обыденности, поверхностного внешнего существования, в то время как молчание обращает нас к сущности, к незримому основанию всех вещей.

Язык по своей сути не служит только подбору знаков для вещей. «Он начинается с выбора говорить или не говорить. Выбор между молчанием и знаком раньше, чем выбор между знаком и знаком. Слово может быть менее говорящим, чем молчание и нуждается в обеспечении этим последним. Молчание - необходимый фон слова. Человеческой речи в отличие от голосов животных могло не быть» [Бибихин 2002: 28-29]. Таким образом, выбор между молчанием и речью принадлежит к первой и последней свободе человека.

Р. Якобсон писал, что «…внутренняя мысль, особенно когда это мысль творческая, охотно использует другие системы знаков, более гибкие и менее стандартизованные, чем речь, и которые оставляют больше свободы, подвижности творческой мысли» [Цит. по: Адамар 1970: 30]. Внешняя, вербальная форма общения удобна лишь тем, что она позволяет более или менее декодировать и передавать информацию в связи с отсутствием у человека стабильного надежного аппарата не только «улавливать состояния» других людей, но и давать им однозначную интерпретацию. При таком подходе к данной проблеме нашу речь следует рассматривать в качестве своеобразного моста, который в значительной степени тормозит процесс передачи и получения информации, но без которого в настоящий момент обойтись невозможно в связи с недоразвитостью сенсорных устройств в сознании человека.

Олдос Хаксли в своей книге «Вечная философия», посвященной эзотерическому знанию, пишет по этому поводу: «Молинос выделил три категории молчания: молчание рта, молчание разума и молчание воли. Нелегко удержаться от пустых разговоров; гораздо труднее укротить трескотню памяти и воображения; и труднее всего укротить голос страсти и отвращения, которыми разговаривает воля» [Хаксли 1997: 53].

Человеческое молчание иногда говорит весомее слова. Оно может оказаться более удобным для истины, чем слово. Оно лучше отвечает неопределенности мира. Человек - единственное в живой природе говорящее существо, он же и первое молчащее существо. Человеческая речь была бы невозможна без исходного молчания.

Такую точку зрения поддерживают и некоторые лингвисты, считающие изначальными действия и молчание. Речь в этом смысле производна от них и вторична, она - результат означивания действия и молчания. Такова одна точка зрения [Богданов 1986, 1987].

Другие утверждают противоположное: речь первична, молчание имеет смысл только на ее фоне. Так, немецкий философ Мартин Хайдеггер называет в качестве второй сущностной возможности речи молчание (первой является слушание). « Кто в совместном разговоре молчит, может в более собственном смысле слова… способствовать уразумению, чем тот, кто не полезет в карман за словом. Многоглаголание о чем-либо не дает ни малейшей гарантии того, что процесс уразумения продвинется вперед. Напротив, пространное обговаривание закрывает понятое, - оно приводит понятое к видимости ясности, то есть к непонятности…Но молчать не значит быть немым. Тот, кто по своей природе мало говорит, не показывает, что молчит и умеет молчать. Кто никогда ничего не говорит, в нужный момент не способен молчать. Только в подлинной речи возможно настоящее молчание» [Хайдеггер 1993: 28].

Однако смыслы молчания не ограничиваются его мистико-онтологическим прочтением. Гораздо большее значение имеет различное понимание моментов молчания в человеческой коммуникации, в повседневном общении, каждая пауза которого непременно толкуется, ибо влияет на практические дела и задачи.

Часто значение глагола *молчать* толкуется через отрицательную форму наиболее общего и неспецифицированного по коммуникативной цели предиката речи - глагола *говорить*; ср. в словаре Ушакова: МОЛЧАТЬ - «ничего не говорить, не произносить никаких звуков голосом, безмолвствовать». Концепт молчания формируется на фоне прагматики говорения. Таким образом, «замолчать может не только говорящий, заговорить - не только молчавший. Молчанию предшествует говорение, говорение же необязательно предваряет молчание» [Арутюнова 1994: 106]. Молчание в таком смысле являлось бы эквивалентом речеповеденческого акта либо способом поведения. Такова вторая точка зрения на проблему молчания и речи.

Однако подобные взгляды на проблему не являются противоречащими друг другу, т.к. необходимо различать подход религиозно-онтологический, в котором молчание является символом «НИЧТО», «ПРЕДБЫТИЕ». Эту точку зрения и поддерживает большинство ученых-философов. Но необходимо различать и другой подход, коммуникативный, в котором молчание - знак стоящего за ним содержания. Содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим. Таким образом, означаемое здесь должно пониматься семиотично.

Итак, проблема молчания важна для исследования в сфере коммуникации. Мы все же должны уметь расшифровать молчание, иначе человеческое взаимопонимание будет недостаточно полным.

Список использованной литературы

1. Адамар Ж. Исследования психологии процесса изобретения в области математики. - М., 1970.
2. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. - М., 1994.
3. Бибихин В. В. Язык философии. - М., 2002.
4. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. - Калинин, 1986.
5. Богданов В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: единицы и регулятивы. - Калинин, 1987.
6. Золотухина-Аболина Е. В. Смысл молчания // Научная мысль Кавказа. - 2000. - № 3.
7. Хайдеггер М. Бытие и время // Работы и размышления разных лет. - М., 1993.
8. Хаксли О. Вечная философия. - М., 1997.

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ СТИХОТВОРЕНИЯ А. АХМАТОВОЙ «ВОРОНЕЖ»

Некоз О. А.
Смоленская государственная медицинская академия

Термин "лингвистический анализ текста" достаточно многозначен. В данной работе он используется в значении, которое вложил в него академик Л. В. Щерба: руководствуясь общеизвестным положением о том, что форма и содержание художественного произведения находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности, под лингвистическим анализом понимается выявление содержания произведения через характеристику языковых элементов, использованных автором при его создании [Щерба 1957: 97]. В данной статье мы сосредоточим внимание только на анализе лексического уровня одного из стихотворений А. Ахматовой.

Цель нашей работы - сделать конкретные наблюдения над лексикой стихотворения А. Ахматовой «Воронеж», а также определить и проанализировать его тематику.

При рассмотрении лексики стихотворения будет использована терминология, предложенная в работах Ю. И. Левина.

«Если в тексте имеется несколько элементов (например, слов) с общим семантическим признаком, то этот последний называется темой» [Левин 1998: 29]. Слова, объединенные общей темой (семантическим признаком), образуют тематическое (семантическое) поле.

В основе создания стихотворения лежит реальное событие: О. Мандельштам после ареста в мае 1934 года был сослан в Воронеж, куда в 1936 году приехала А. Ахматова:

(1) И город весь стоит оледенелый.
(2) Как под стеклом деревья, стены, снег.
(3) По хрусталям я прохожу несмело.
(4) Узорных санок так неверен бег.
(5) А над Петром воронежским - вороны,
(6) Да тополя, и свод светло-зеленый,
(7) Размытый, мутный, в солнечной пыли,
(8) И Куликовской битвой веют склоны
(9) Могучей, победительной земли.
(10) И тополя, как сдвинутые чаши,
(11) Над нами сразу зазвенят сильней,
(12) Как будто пьют за ликованье наше
(13) На брачном пире тысячи гостей
(14) А в комнате опального поэта
(15) Дежурят страх и Муза в свой черед.
(16) И ночь идет,
(17) Которая не ведает рассвета [Ахматова 1990: 179].

Зимний городской пейзаж, памятник Петру в сквере, над которым кружат вороны, составляют своеобразный портрет города. Однако при более тщательном рассмотрении можно прийти к выводу о том, что описание природы важно не само по себе. Такие, например, неожиданные сравнения. как "тополя → сдвинутые чаши", "стук тополей → звон бокалов на брачном пире", служат своеобразным импульсом к пересмотру тематики стихотворения.

Для этого мы проанализируем лексику стихотворения. Слова приводятся в алфавитном порядке, в начальной форме. Арабская цифра справа от слова обозначает количество его упоминаний.

Существительные: бег, ворона, город, гость, дерево, земля, комната, ликованье, ночь, пир, поэт, пыль, рассвет, санки, свод, склон, снег, стекло, стена, страх, тополь - 2, хрусталь, чаша, черед.

Прилагательные: брачный, воронежский, могучий, мутный, неверный, оледенелый, опальный, победительный, светло-зеленый, солнечный, узорный.

Глаголы: ведать, веять, дежурить, зазвонить, идти, пить, проходить, стоять.

Местоимения: весь, который, мы, наш, свой, я.